

УДК 821.161.1-31(Гранин Д. А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-121-132.

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444

ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В РОМАНЕ Д. А. ГРАНИНА «МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ»****Лобин А. М.**Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия)ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6885-0963>

SPIN-код: 1067-6714

А н н о т а ц и я. Автобиографический роман Д. А. Гранина «Мой лейтенант», опубликованный в 2011 году, является одним из последних произведений о Великой Отечественной войне, написанным ее участником. В рецензиях и литературоведческих работах он рассматривается в рамках традиции «лейтенантской прозы» XXI века (Б. Васильев «Век необычайный», В. Богомолов «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..», И. Николаев «Лейтенанты»). Исследователями были выделены его основные художественные особенности: исповедальный характер повествования; сочетание двух повествовательных инстанций (автор-рассказчик и «лейтенант Д»), разнесенных во времени; а также хроникальный сюжет и фрагментарность повествования, посредством которых писатель дает субъективную картину военных действий на ленинградском фронте, описывает Блокаду и первые послевоенные годы.

Предметом исследования в данной статье является авторский образ Войны, то есть специфика описания окопного быта и военных действий, образная характеристика системы конфликтов и отношений, личные впечатления автора-рассказчика и его оценка событий лета 1941 года, суммарно образующих «правду о Войне», которую стремится донести до читателя Д. Гранин.

В ходе работы были проанализированы система персонажей и сюжетобразующих конфликтов в произведении, а также авторские отступления и оценки происходящего. Изучены и описаны образы советского народа, власти, врага и советского солдата, рассмотрены их связь и взаимоотношения. Проведенное исследование позволяет утверждать, что главным содержанием романа является дискуссия о «цене Победы», а главным элементом Образа войны – образ советского народа (неотъемлемой частью которого являются образы власти и советского солдата, в том числе и образ «лейтенанта Д.»), отстаивающего свое право на жизнь перед лицом беспощадного врага. Традиционные нарративы о «неготовности к Войне», систематических просчетах и злоупотреблениях командования акцентируют идею народного подвига. Такая трактовка исторических событий обобщает и репрезентирует травматический опыт военного поколения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военная проза XXI века; Великая Отечественная война в русской литературе; творчество Д. Гранина

Д л я ц и т и р о в а н и я: Лобин, А. М. Образ Великой Отечественной войны в романе Д. А. Гранина «Мой лейтенант» / А. М. Лобин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 121–132. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-121-132.

THE IMAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN D. A. GRANIN'S NOVEL MY LIEUTENANT**Aleksandr M. Lobin**

Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6885-0963>

Abstract. Published in 2011, D. A. Granin's autobiographical novel *My lieutenant* is one of the latest works on the Great Patriotic War written by its actual participant. Reviews and literary criticism articles view it within the framework of the 21st century "lieutenant prose" (B. Vasiliev's *An Extraordinary Century*, V. Bogomolov's *Have I dreamt my life up?*, I. Nikolaev's *The Lieutenants*). The critics single out its main artistic features: confessional nature of narration, combination of two narrators (the author-narrator and "lieutenant D") from different periods of time, as well as a chronicle plot and fragmentary narration, through which the author gives his description of the military actions on the Leningrad front and depicts the blockade and the first post-war years.

The paper focuses on the author's personal image of the War, comprised by a unique depiction of life in the trenches and military actions, tangible representation of the system of conflicts and relationships, and the author-narrator's first-hand experience and his evaluation of the 1941 summer campaign, all of which sum up to "the truth about the War", which Granin tries to bring to his readers.

In the course of research, the study has analyzed the system of characters and plot-building conflicts in the novel, as well as the author's digressions and evaluations of the events. The author explores and describes the images of the Soviet people, the authorities, the enemy, and the Soviet soldier in terms of their interrelation and interaction. The findings make it possible to argue that the principal content of the novel lies in the discussion of "the price of Victory", and that the image of the Soviet people (its indispensable parts being the images of the authorities and the Soviet soldier, including the image of "lieutenant D"), fighting against the merciless enemy for their right to live, is the main component of the image of the War. The traditional narratives of "unpreparedness for the War", systematic blunders and abuse of authority by the military commanders underscore the idea of the people's heroism. This interpretation of the historic events summarizes and represents the traumatic experience of the war generation.

Keywords: 21st century war prose; the Great Patriotic War in Russian literature; creative works by D. Granin

For citation: Lobin, A. M. (2025). The Image of the Great Patriotic War in D. A. Granin's Novel *My Lieutenant*. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 121–132. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-121-132.

Введение

Рецензию на этот роман критик Е. Зиновьева начала с фразы: «Удивительно, но Даниил Гранин, писатель, прошедший войну, о Своей войне рассказывает впервые» [Зиновьева 2012]. Формально, это высказывание не совсем корректно: кроме знаменитой документальной «Блокадной книги», написанной в соавторстве с А. Адамовичем, Д. Гранин уже писал о войне¹. Однако нельзя не согласиться с тем, что «Мой лейтенант» действительно занимает в творчестве Д. Гранина особое место – это автобиографический роман, в котором автор через семьдесят лет (!) после описываемых событий представил художественную версию своей военной биографии² и творчески переосмысленную картину Великой Отечественной войны, увиденную глазами типичного представителя советской образованной молодежи.

Следует отметить, что ранее написанные произведения о Войне вошли сюда либо в качестве отдельных переработанных фрагментов, либо на уровне рассматриваемых проблем. Таким образом, «Мой лейтенант» как для самого автора, так и для всего направления «лейтенантской прозы» стал книгой итоговой: «Последним – или одним из последних – произведений “лейтенантской” прозы стала повесть Д. Гранина “Мой лейтенант”» – считает В. Г. Моисеева [2015: 71].

Следует отметить, что 2010-е годы стали рубежным периодом для всей военной прозы. В. А. Зубков в статье «Поворот рула. Проза о Великой Отечественной войне сегодня» оценил минувшее десятилетие как «полосу системного кризиса высокой прозы о войне» [Зубков 2011]. Признаки этого «системного кризиса» исследователь видит не только в закономерном резком «обмелении столь обильного в 90-е годы потока прозы», но и в появлении «ущербных псевдобатальных текстов» [Там же], к числу которых он относит романы «Диверсант» А. Азольского, «Спать верить. Блокадный роман» А. Тургенева, «Танкист или Белый тигр» И. Бояшова и повесть Л. Бородина «Ушел отряд».

С такой низкой оценкой перечисленных произведений трудно согласиться, но общее представление о первом десятилетии XXI века как переломном этапе в истории военной прозы у исследователей этой темы сомнений не вызывает. Д. В. Аристов полагает, что «в прозе о Великой Отечественной в 2000-е годы... утрачивается... тенденция к фактической достоверности батальной фактуры и ее социально-нравственному осмыслению... в новой прозе о войне усиливается влияние массовой культуры, вызывающее деформацию традиционной тематики и образов войны» [Аристов 2013: 3].

В это время завершается жанровая и содержа-

тельная эволюция от произведений, основанных на личном опыте авторов, к реконструкции событий и далее – переосмыслению исторических мифов. Уникальность литературной ситуации 2000-х заключается также в том, что «постмодернистская историческая мелодрама» А. Тургенева «Спать и верить» и «роман-фэнтези» И. Бояшова «Танкист, или “Белый тигр”» [Маркова 2019] вышли в свет раньше, чем «Мой лейтенант» Д. Гранина или «Лейтенанты» И. Николаева. И описанные им реалии – неисчислимы и бессмысленные потери, некомпетентность командования и т. п. – уже давно описаны и даже спародированы писателями-постмодернистами как общие места и пропагандистские штампы.

Общая оценка Великой Отечественной войны (далее – войны) и Победы в ней на рубеже XX–XXI веков радикально трансформировались. «Героизированный образ Великой Отечественной войны... характерен для сознания 40–50-х гг. ... На рубеже 50–60-х и 80–90-х гг. ... имела место инверсия общественного сознания... в котором доминировала тенденция к переоценке... Великой Отечественной войны», – пишет историк О. В. Дружба в 2000-м году [Дружба 2000]. Направление этой переоценки в литературе оценила Н. В. Ковтун: «Победители в этой прозе все чаще осознают себя жертвами ... утверждают мотивы общей вины, национальной катастрофы, которые будут только усиливаться в военной прозе рубежа XX–XXI вв. Победа, которая казалась в 1945 г. безусловной, постепенно ускользает, разрушая надежды и судьбы» [Ковтун 2020: 14].

В связи с этим обстоятельством возникает закономерный вопрос: какое место занимает роман «Мой лейтенант» в длинном ряду произведений о Великой Отечественной войне? Очевидно, что сравнивать его с новыми беллетристическими или постмодернистскими произведениями и некорректно, и бессмысленно, хотя бы потому, что тенденция к утрате «фактической достоверности... и ее социально-нравственному осмыслению» (по Д. С. Аристову) у Д. Гранина совершенно не прослеживается. В интервью с Е. Петровой автор заявил, что «раньше я не хотел писать про войну, считал, что о ней уже есть много замечательных книг. Но в них нет МОЕЙ войны, а она была особенной» [Петрова 2012].

Материал, методы, обзор

Публикация романа «Мой лейтенант» закономерно привлекла внимание читателей, в 2012 году Д. А. Гранин был удостоен премии «Большая книга». Критики также высоко оценили художественные достоинства и концептуальное содержание этого произведения [Алпеева 2012; Зиновьева 2012; Петрова 2012; Крышук 2014]. Этому роману посвящено несколько содержательных литературоведческих работ, в которых были проведены первичный анализ его поэтики и оценка содержания [Алпеева 2012; Бабичева 2020; Моисеева 2015; Полехина 2015; Рогова 2013].

В этом ряду в первую очередь хотелось бы отметить уже процитированную статью В. Г. Моисее-

¹ Рассказы «Молоко на траве», «Смерть интенданта», «Пленные» (1964–1965 гг.) и «Солдат на КП» (1985), а также повести «Наш комбат» (1968) и «По ту сторону» (2003).

² Не все события, описанные Д. Граниным в его произведениях о войне, подтверждаются документально. См. [Золотоносов 2014].

евои «Слова “великие” и “простые” о Великой Отечественной войне» (2015), где «Мой лейтенант» был рассмотрен в широком контексте военных произведений 1950–2000 гг. Прежде всего исследователь обращается к старому спору о «глобусе» и «карте-двухверстке» как противопоставлению двух подходов к изображению войны: монументально-героического и событийно-автобиографического (т. н. «окопной правды»), спору, который, несмотря на прошедшие полвека оказался вполне актуальным в оценке этого романа [Моисеева 2015: 60–61].

Второй подход стал ведущим для направления «лейтенантской прозы», для которого характерны «ориентация на собственный военный опыт... фактографически точное воссоздание быта войны... документалистичность бытовых деталей» [Моисеева 2015: 63]. Эта особенность проявилась в исследуемом романе в полной мере: «предельная открытость романа... интересна и с точки зрения фактических подробностей окопного быта под Ленинградом» [Алпева 2012]; «в повествовании Градина сближаются непосредственные личные впечатления писателя и исторический опыт войны» [Полехина 2015: 59] – полагают исследователи. Критик Н. Крышук отметит, что Д. А. Гранин «делает не первую в нашей литературе попытку показать войну не в глянцево переплете, а с изнанки, вернее, в ее реальном масштабе – глазами бойца» [Крышук 2014].

Еще одна заметная особенность поэтики романа – прием раздвоения автобиографического героя – отмечен всеми исследователями, но наиболее полно он изучен в работе «О “петербургском тексте” в современной художественной литературе» К. А. Роговой, которая также приходит к выводу, что «в тексте два основных повествователя, рассказ в обоих случаях ведётся от первого лица» [Рогова 2013: 80], в трех эпизодах «появляется ещё один повествователь – рассказ ведётся от 3-го лица при “всезнающем” авторе» [Там же: 81].

Д. Гранин систематически обнажает этот прием в тексте, начиная с эпиграфа: «Вы пишете про себя? – Что вы, этого человека уже давно нет» [Гранин 2020: 3]¹. Такое «раздвоение автобиографического героя... позволяет автору осветить и оценить изображаемые события одновременно... из времени, когда они происходили (глазами лейтенанта Д.), и в момент создания произведения» – утверждает М. Е. Бабичева [Бабичева 2020: 28]. Исследователи отметили также специфическую структуру произведения: повествование «максимально приближено к дневниковым записям... обрывочным, фрагментарным, стилистически шероховатым» [Полехина 2015: 56]. Сочетание этих художественных приемов приводит к тому, что романе «Мой лейтенант» активно сочетаются автобиографичность, документальность и художественный вымысел.

Представленный обзор может создать обманчивое впечатление, что роман Д. Гранина представляет собой типичный образец «лейтенантской

прозы», не выходящий за рамки сложившегося канона и транслирующий традиционные нарративы 1960–1990-х годов. Действительно, и критики, и литературоведы рассматривают исследуемое произведение в рамках этой традиции, но постоянные сравнения с произведениями В. Некрасова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова и др., здесь, на наш взгляд, служат не как критерий оценки, а как средство системного описания поэтики и содержания романа «Мой лейтенант». Оригинальность и новизна этого произведения сомнений не вызывает, но вопрос – в чем именно заключается эта оригинальность? – нуждается в уточнении и конкретизации.

Основные жанровые признаки «лейтенантской прозы» присутствуют в исследуемом романе: выбор главного героя (молодой человек), обращение к натуралистической поэтике, лирическая экспрессия, поэтика «окопной правды», наличие которой отмечали критики, и многие другие [см. Лейдерман, Липовецкий 2003]. Даже отмеченное раздвоение автобиографического героя, также не является чем-то принципиально новым, так, «в динамике жанра очевидны были тенденции к эпической полноте и объективированности изображения... образ лирического героя раздваивался, представая в двух ипостасях – юным солдатом времен войны и умудренным жизнью немолодым человеком», – пишет Н. Л. Лейдерман, оценивая эволюцию «лейтенантской прозы» в 1960-х годах [Там же: 180].

Своеобразие авторского осмысления «особой войны» Д. А. Гранина лежит, на наш взгляд, в другой сфере, где в наибольшей степени отразились и временная дистанция, и смена идеологических установок на рубеже XX–XXI веков. Так, не может остаться неизменным главный творческий импульс, вызвавший к жизни прозу фронтового поколения: «полемическая установка – протест против идеологических стереотипов» [Там же: 164]. Кроме того, главным конфликтом в произведениях писателей-фронтовиков является внутренний нравственный конфликт между теми, кто честно исполняет свой воинский долг, и теми, кто отсиживается в тылу. Попытка анализа и оценки новой эстетической семантики романа «Мой Лейтенант» как последнего крупного произведения о войне, созданного писателем фронтового поколения в новом тысячелетии, составляет научную новизну данной работы.

И здесь на первый план выходит выражение «образ войны», вынесенное в заглавие данной статьи. Его, в частности, использовал Н. Л. Лейдерман, который отмечал, что «образ войны предстает... через мозаику мельчайших подробностей и укрупненных деталей» [Там же: 166]. Поэтому в данной работе «образ войны» Д. Гранина понимается как авторская субъективная интерпретация военных событий и быта, как память о войне, художественно воплощенная в произведении.

Цель работы – выявить специфику художественной трактовки «окопной правды» Д. Гранина и образа Великой Отечественной войны в его ито-

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Гранин Д. А. Мой лейтенант. М.: Издательство «АСТ», 2020. 320 с.

говом военном романе «Мой лейтенант».

Для достижения поставленной цели были изучены работы критиков и литературоведов, посвященные исследуемому произведению и военной прозе рубежа XX–XXI веков; рассмотрены сквозные темы и мотивы, представленные в авторских отступлениях, сюжете и описаниях войны; проведен анализ системы персонажей и сюжетобразующих конфликтов романа.

Результаты и обсуждение

Страх, стыд и тотальная ложь на «бесчестной» войне Д. А. Гранина. От произведения на военную тему читатель закономерно ожидает описаний атак, обстрелов, походов в разведку и т. п. Но в автобиографическом военном романе Д. Гранина «Мой лейтенант» преобладает хроникально-биографический сюжет, где нет широкой панорамы военных событий с участием исторических лиц, а элементы военно-приключенческой фабулы представлены в минимальном количестве. Это отдельные слабо связанные между собой фрагменты (первая бомбежка, первая встреча с врагом и т. п.), где автор делает акцент на субъективных переживаниях рассказчика и пишет, таким образом, не столько о войне, сколько о человеке на войне.

Так, первая часть начинается с фразы: *«настоящий страх, страх жутчайший, настиг меня... на войне. То была первая бомбёжка»* (5). Далее в главе «Первая бомбежка» в шести абзацах описывается как герой молился, вжимался в землю, долго приходил в себя и т. п. Слово «страх» в этом фрагменте повторяется восемь раз, и еще дважды упоминается «ужас». Этот «подлый, постыдный», «всесильный» и даже «жутчайший» страх превращает будущего «лейтенанта Д.» в «дрожащую слизь», он «стал ничтожной, наполненной ужасом тварью» (8). В итоге главный герой «был опустошен, противен себе, никогда не подозревал, что я такой трус» (8).

В одной из следующих глав, названной «Жара», описано первое столкновение с противником, закончившееся паническим бегством: «взводный крикнул, показывая вправо. Там двигались по полю бронемашин... «Обходят!» – этот крик покатылся по окопам... Кто первый побежал – неизвестно, я вдруг понял, что бегу вместе со всеми» (37–38). Тема страха ясно звучит в главе «В упор», где описано первое непосредственное убийство, совершенное рассказчиком. Здесь в ходе отступления он случайно наткнулся на немцев и буквально на бегу расстреливает их сзади, после чего «мчался и мчался, гонимый ужасом» (41).

По мере развития действия тема страха постепенно отходит на второй план и следующие эпизоды представлены уже именно как боевые. В главе «Разведка» ополченцы ночью атаковали немецкую колонну: *«гранаты швырял... Суета началась... Побросали они (немцы – А. Л.) свои пулеметы, рацию и бегом. Мы все это в кучу, подожгли»* (40). Очередная внезапная встреча с фашистами также закончилась бегством, но уже не паническим: *«мы прыгнули в ботву, перевернулись... Впервые мы видели их так близко... Саша клацнул затвором, выстрелил в пуле-*

метчика... я... тоже поднял винтовку... и стал стрелять» (51).

В итоге автор демонстрирует читателю наглядное описание процесса превращения паникующих ополченцев в настоящих солдат: *«бомбежка эта... разом превратив меня в солдата... Мы преодолевали страх тем, что сопротивлялись, стреляли, становились опасными для противника»* (8). Уже в конце первой части страх практически перестает упоминаться, но не исчезает совсем, автор вспоминает, что *«первые послевоенные годы мне... Снился ужас, два зада, мягкий толчок, с каким входили в мясо пули... Потом и этот ужас перестал сниться»* (43).

Традиционный для военной прозы мотив «настоящего жутчайшего страха», с которого начинается произведение, в рамках заявленной темы интересен, прежде всего, как первая реакция на столкновение героя-рассказчика с реальностью. Здесь необходимо учитывать, что будущий «лейтенант Д.» добровольно ушел, или, как он же вспоминает после войны *«сорвался в ополчение, влюбленный... в войну, в будущее свои подвиги»* (259), поскольку *«думал, что воевать будет легко»* (29). Первая же бомбежка показала истинную цену его фантазиям: *«мне же досталась война бесчестная, ничего не успел, а меня уже превратили в ничтожество»* (29) – переживает ополченец. И его первая реакция – доказать командиру роты, что *«я не трус»* (30).

Именно поэтому первое столкновение со смертью вызывает не только «жутчайший страх», совершенно естественный в создавшейся ситуации, но и острейший стыд. Следует подчеркнуть, что стыдно за свою наивность и самоуверенность было всем: *«мы должны были воевать на чужой территории... малой кровью, могучим ударом... Однако немцы... с разбегу очутились на нашей»* (149); *«Бегом бежали, отступая, Украину сдали, Беларусь и четыре с половиной миллиона ухайдакали на бегу!»* (154) – иронизируют над собой фронтовики.

В итоге *«мы быстро поняли, как не умеем воевать»* (74), что *«отступить Красную Армию не учили»* (48); и далее – *«связь не работала, телефоны... были допотопные, такие, как в Первую мировую войну. Не было радиосвязи... Не хватало снарядов. Не было мотоциклов. Не было оптических прицелов. Не хватало биноклей, перископов... За что ни возьмись, мы оказывались неоснащенными»* (191–192) – самокритично признает автор.

Поиски виноватых приводили к закономерным сомнениям. Начали сомневаться даже в могуществе всесильных Органов: *«говнюки, каратели, сажали, казнили, а что толку? Не тех стреляли»* (31). Возникают и более крамольные мысли: *«Медведев заодно высмеял вождя по поводу преимущества немцев от внезапного нападения. Что, они должны были за месяц сообщить, какого числа нападут?»* (154). Появились вопросы *«на которые не было ответа»* (191), среди которых самый главный: *«почему мы так глупо воюем?»* (53). *«Очень скоро нас постигло разочарование, оно перешло в отчаяние, отчаяние – в злобу и на немцев, и на своих начальников»* (15) – так постепенно приходило понимание той «окопной правды», которую осознавал и герой романа, и его товарищи.

Это понимание усугублялась несоответствием

реальности официальным реляциям: «мешало вранье. Врала безбожно, приводили абсурдные цифры немецких потерь... Начальники, и малые, и большие, не стесняясь, рапортовали об успехах» (124–125). Политруки и комиссары «приписывали нам чужую войну с блистательными операциями, с воинами-смельчаками. А наша война была другой – корявой, бестолковой, где зря гробили людей, но это не показывали и об этом не писали» (191) – с горечью вспоминает автор.

До предела это противоречие доведено в главе «Подрезов», где описана гибель командира роты, который «стоял во весь рост в окопе, стрелял и матерился. Выжить он не мог» (43). После боя командование провело целое следствие, чтобы выяснить «убит ли Подрезов... тогда можно считать, что он совершил героический подвиг» (44). В итоге решили, что Подрезов все же герой: «через два дня очерк появился в армейской газете... получился этакий богатырь из народных сказок» (47). Сложившаяся на фронте ситуация вызвала общее чувство тягостного недоумения, поэтому герой романа «не понимал, как из всего варева ошибок, крови, из его трусости, невежества, фурункулеза, как, несмотря на все это, они вошли в Пруссию» (191). Именно ответ на этот вопрос пытается найти писатель Д. Гранин через шестьдесят пять лет после Победы.

Оценивая характер изображения войны в романе Д. Гранина «Мой лейтенант», следует отметить несколько принципиально важных аспектов:

– в изображении картины разгрома Красной армии летом 1941-го года и в описании рутинных окопных боев на Ленинградском фронте 1941–1943 гг. автор не стремится представить какую-то новую информацию или историческую концепцию; вместо этого он реконструирует мироощущение человека на войне, актуализирует страх смерти, горечь и стыд поражения, а также анализирует процесс понимания происходящего;

– картина войны в изображении Д. Гранина предельно негероична и неэстетична, она полностью не соответствует довоенным ожиданиям советского общества. Это «постыдная», «корявая» и «бестолковая» война, где Победа достигается не благодаря, а вопреки изначальным идеологическим установкам и планам.

Свои и чужие в системе персонажей романа «Мой лейтенант». В данном исследовании роман «Мой лейтенант» интересен, прежде всего в качестве романа военного, поэтому в системе персонажей рассматриваются четыре главных, на наш взгляд, собирательных образа, представленных отдельными группами персонажей: образы Народа и советского командования, то есть Власти; а также образы Врага и советского Солдата. Все они воплощены большим количеством отдельных персонажей различной степени значимости, и связаны сложной системой отношений и конфликтов.

Образ Народа, если понимать его как мирное гражданское население, занимает в системе персонажей исследуемого романа чрезвычайно важное место. К этой категории можно отнести жену, друзей и родственников главного героя, сельских жителей, оказавшихся в зоне военных действий,

а также ленинградцев и других работников тыла. Изначально к этой категории относился и сам будущий «лейтенант Д.» – молодой инженер, который добровольно и даже со скандалом ушел в народное ополчение (несмотря на наличие сосланного в Сибирь отца) вместе со своими коллегами, работниками Кировского завода. Также в армию ушли почти все его друзья.

Но наиболее ярким представителем народа стала, на наш взгляд, жена главного героя Римма, которая работала на том же заводе, эвакуировалась вместе с ним в Челябинск, честно ждала мужа с фронта и долго терпела его послевоенные загулы. Она представлена как образец советской женщины, которой, по версии автора, присущи самоотверженность, но не кротость; а также социальная активность, но без идеологического фанатизма. Автор рассказывает, как уже после войны его жена по собственной воле вышла из Партии, куда вступила в эвакуации. Ее главный мотив – ненависть к официальному вранью: «врала им в школе про капитализм, врала в институте про историю партии. Она росла среди постоянной лжи» (293). В то время это был более чем смелый шаг, чреватый серьезными последствиями. Автор подчеркивает, что сама она «врать... не умела начисто... прямо-таки угнетала своей честностью» (17).

В этом же ряду жена командира батальона Мария Литвинова, «смешливая шумная бабенка» (205), которая вопреки всем запретам приходила из Ленинграда на передовую чтобы принести мужу чистую одежду или угостить тобленными огурцами. Можно также вспомнить жителей деревень, оставляемых Красной армией, которые кормили отступающих ополченцев. В «ленинградских» главах автор масштабно отражает массовый героизм и самоотверженность блокадников. Практически во всех описанных ситуациях подчеркивается активная и сознательная позиция населения. Это именно сознательность, а не покорность или фанатизм. Напротив, народ по отношению к Власти иллюзий не испытывает: «зачем тебе гибнуть за эту проклятую власть?» (56) – спрашивает героя одна из женщин, встреченных в окружении. Анализ текста позволяет утверждать, что Народ в этом романе является активной творческой силой, он борется за Победу в тылу также, как солдаты на фронте и испытывает те же трудности и проблемы, особенно тяжелые для жителей блокадного Ленинграда.

Оценивая образ Народа в данном произведении (включая и бойцов Красной армии как его неотъемлемую часть), следует подчеркнуть, что речь идет именно о Советском народе. Здесь даже герои из числа репрессированных работают на обшную Победу. В частности, техник-лейтенант Медведев был из раскулаченных, скрывал это обстоятельство, в личных разговорах фактически вел антисоветскую агитацию, но это не мешало ему честно выполнять свои обязанности и погибнуть при их исполнении. А указанные в тексте случаи переходов бойцов к противнику вызваны не идейными причинами, а исключительно голодом: «немцы обещают... каши от пуза» (128).

Неоднозначно представлен в романе образ Власти. Н. В. Ковтун подчеркивает, что «военный конфликт в прозе лейтенантов – скорее конфликт между своими» [Ковтун 2020: 14]. Но в «Моем лейтенанте» этот конфликт «между своими» представлен, на наш взгляд, слабо. Здесь сначала хотелось бы подчеркнуть, что для «лейтенанта Д.» властью является все вышестоящее начальство, начиная с командира батальона. И все эти воинские начальники в его изображении являются честными и отважными фронтовиками, разделяющими с ним все тяготы и опасности войны. Таков полковник Лебединский, который «располагал он к себе ясностью своих указаний» (75), таков и другой командир полка майор Семibrатов, благодаря которому стало возможным успешное отражение первой атаки. Комбат Литвинов изображается практически в восторженных тонах: «ни разу не видел его растерянным... Посещая роты, он не прятался при обстреле... Рядом с ним никого не ранило» (118). И здесь же упоминается некое «командование», которое врало и «поощряло тех, кто атаковал, кладя своих без счета» (118); «сколько было таких мясников среди прославленных наших генералов!» (159) – сокрушается автор. При этом он отмечает, что «мой лейтенант читал Сталина... он восхищался Жуковым» (301), поэтому в критических высказываниях, вероятно, проявилась та самая традиционная злоба фронтовиков-окопников «и на немцев, и на своих начальников» (15).

В целом, герой объясняет такую жестокую практику военных действий скорее, как результат неумения воевать, чем как злой умысел или врожденную кровожадность: «обучались и командиры полков, дивизий, командующие армиями. У командира нашей дивизии ничего не получалось, он потерял управление, погубил два батальона и застрелился. Другого сняли, разжаловали» (75). В части второй, где описана окопная война под Ленинградом, рассказчик не представляет фактов каких-либо явных злоупотреблений со стороны младшего и среднего состава.

При этом конфликты фронтовиков с «большим начальством» в романе действительно имели место. У самого «лейтенанта Д.» было как минимум два таких эпизода. Это, во-первых, его скандал в штабе Армии народного ополчения 17 октября 1941 года, куда он прибыл с сообщением, что «город открыт, настезь открыт, немцы вот-вот войдут» (95). За это выступление лейтенант был отравлен под трибунал, заседание которого он благополучно проспал, а в итоге был возвращен на фронт. Второй такой случай произошел в конце войны, когда внезапно приехавший генерал застал танковую роту, который на тот момент командовал герою, на отдыхе: «генерал... разразился матерщиной: такие-сякие, говноеды, загорают, хотите тут прятаться, трусы, ублюдки, мать вашу!.. генерал пошел в разнос и палкой раз ему по морде, раз, два» (266). Для «лейтенанта Д.» это стало серьезной моральной травмой, однако, и с этой ситуацией разобрались на месте, а генерал перед ним извинился.

Анализ авторских оценок и сюжетных конфликтов позволяет утверждать, что Д. Гранин в целом обвиняет руководство страной и армией в об-

щей некомпетентности и плохой подготовке к войне, но не в личных злоупотреблениях или в том, что они допустили эту войну. Какого-то явного противопоставления воюющей армии и ее командования, несмотря на низкую его оценку, в романе все же нет. Здесь особенно наглядно звучит фраза: «у нас творился бардак» (101). Очевидно, что автор не отделяет себя от этого командования, так, можно напомнить, как случайно оказавшись в роли командира полка свежееиспеченный «лейтенант Д.» сам «видя бойцов, которые толпились возле КП... считал, что они отсиживаются, гнал всех на “передок”» (89).

В изображении образа Врага, то есть немецкой армии, можно выделить две главных темы: постепенная переоценка противника советскими бойцами и попытка понять мотивы действий немцев. Постепенное изменение отношения к немцам описано буквально в первой главе: «в первые месяцы войны немецкие солдаты... внушали страх. Они казались неодолимыми. Отступление во многом объяснялось этим чувством» (8–9). Но по мере развития военных действий немецкие солдаты теряли этот демонический ореол: «мы увидели, что... немцы раненные так же кричат, умирают... от пленных мы узнали, что, оказывается, мы... тоже внушали страх... Мы перестали бояться» (9) – вспоминает рассказчик.

А вера в немецкий военный гений пошатнулась 17 сентября, когда «город остался без всякой защиты» (103), но немцы непонятно почему не вошли в Ленинград. Тайна этого «Дня Икс», как он его называет, мучила Д. Гранина и после войны. Он беседует с историками и бывшими немецкими офицерами, читает мемуары, ищет разгадку и не находит. «Но почему немцы, которые так рвались к Ленинграду, на полном ходу застопорили и не вошли в открытые ворота?» (101) – недоумевает автор. Предлагаемое в итоге объяснение – «почему-то Гитлер... дал указание в город не входить. Он был мистик, его посещали предчувствия, озарения» (307) – ничего не объясняет, а главное, на этом фоне «бардак у нас» уже не выглядит так неприглядно.

Есть и этическая составляющая образа Врага в этом романе. Перед войной Германия была союзником, многие были убеждены, что «немцы... культурные люди» (86). Воспринимать их сразу как врага было трудно: «только что с Риббентропом целовались в засос, теперь вдруг требуют: смерть немецким оккупантам!» (68). Поэтому столкновение с военной реальностью оказалось настолько болезненным: «немецкие войска вокруг города вынуждены... умерщвлять город голодом и артиллерией. То есть уничтожать мирное население» (109). Ненависть к противнику выработывалась постепенно¹. Однако от-

¹ В другом своем произведении Д. Гранин пишет об этом: «Первые месяцы войны были самые трудные. Не потому, что мы отступали, драпали, но и потому, что у нас не было ненависти. Перед нами были не фашисты, а Германия. В школах учили немецкий. Гете, Шиллер... Помню, как мы всем взводом агитировали первого пленного немца, раненного в ногу молоденького ефрейтора... Мы угощали его папиросами, похлопывали по плечу: “Долой Гитлера!” Вы знаете, что он нам отвечал?... – Вы все будете убиты. Об этом позаботятся ваши плохие ко-

ношения с противником были достаточно сложными, так, автор описывает взаимный интерес и даже меновую торговлю, между непримиримыми, казалось бы, врагами: *«на нейтралке был овраг, там появился невесть как черный рынок. Оставляли друг другу, а может, кидали. Немцы меняли свою булку на махорку»* (123).

Автора постоянно занимает вопрос, как сами фашисты относятся к тому, что они делают? Случай ответить на него появился, когда два совершенно пьяных немца случайно забрели на их позиции. Проспавшихся пленных отвели в город и увиденное там настолько их потрясло, что один из них, лейтенант, предпочел считать, что все это сон: *«невозможно... Жизнь не может быть так ужасна... Сон... Это не реально»* (144) – бормотал он на ходу. В 2003 году автор-рассказчик пытался получить ответ у немца Густава, воевавшего когда-то в противоположном окопе. *«В России мы оскотинились. Стыдно вспомнить»* (310) – неохотно ответил тот в конечном итоге.

Проблема взаимоотношений с немцами, попытка понять их – одна из центральных тем в военной прозе Д. Гранина. Послевоенная встреча с немцем и поездка в Германию, тяжелый спор о судьбе народов и Ленинграда стал магистральным сюжетом его повести *«По ту сторону»* (2003). И в этой повести, и в романе *«Мой лейтенант»* автор детально рассматривает мысль о всеобщем примирении и даже забвении, но для его героев она неприемлема: *«у Д. было какое-то удовлетворение: вот сколько их нащелкали. Не зря воевали»* (303) – думает главный герой на торжественной церемонии открытия немецкого кладбища под теперь уже Петербургом¹.

При анализе образа советского солдата в романе Д. Гранина мы исходим из предположения, что его центральным элементом является главный герой произведения, «лейтенант Д.». Такое понимание диктуется как на уровне заглавия, так и на текстуальном. *«Мой лейтенант»* в изображении Д. Гранина – типичный представитель советской интеллигенции, который добровольно ушел рядовым в ополчение, затем служил лейтенантом на Ленинградском фронте, окончил танковое училище и уже в качестве танкиста участвовал в наступлении на Пруссию. Это подчеркнуто обычная фронтовая биография, совпадающая в основных чертах с биографией автора. В ней нет особых взлетов и падений, здесь он не акцентирует внимание на каких-то особых обстоятельствах или подвигах.

В романе *«Лейтенант Д.»* мужественно и стойко выполнял свои обязанности, также, как и его товарищи. Поэтому в тексте герой-рассказчик не отделяет себя от других: *«я... бегу вместе со всеми»* (38),

мандиры» – см. Гранин Д. А. Все было не совсем так // Звезда. 2010. № 4. С. 6–61.

¹ Проблема отношения Д. Гранина к бывшему противнику обсуждалась на двух конференциях: в Санкт-Петербурге 24–25 сентября и в Берлине 15 октября 2019 года. См. [Гранин и Германия... 2020].

«воевать мы не умели» (39), *«мы оказывались неоснащенными»* (192) и т. д. При этом следует отметить, что сослуживцы и товарищи главного героя не сливаются в общую однородную массу, скорее главный герой сознательно отходит в сторону, чтобы показать их. Образ солдата в романе, как уже было заявлено, собирательный и собирается он из огромного количества мини-портретов, начиная, буквально, с второй главы, где описано прощание героя в Летнем саду с друзьями Беном и Вадимом: *«офицерская форма преобразила их. Особенно хорош был Вадим... Весь начищенный, блестящий. Бен выглядел мешковатым, штатское еще не сошло с него»* (12). Далее описаны друзья-ополченцы, с которыми он выходил из окружения (Алимов, Мерзон, Ерамаков, Трубников), в части второй появляются техник Медведев, верующий в Бога; снайпер из Холмогор Ломоносов; балагур Женя Левашов. Здесь же упомянут особист Баскаков, более подробно представлены комиссар полка Елизарова, комбаты Литвинов и Коминаров. Д. Гранин, судя по тексту, целенаправленно стремится воскресить в памяти своих друзей и однополчан: *«я стал вспоминать о каждом хоть немного, вытаскивал их из тьмы – Сашу Морозова, Левашова, Мерзона, Трубникова, Медведева, они не знали, что в Ленинград мы немцев не пустили, войну выиграли... Забвение уносит их от нас, и не знаешь, как придержать эту реку времени»* (225–226) – пишет он в конце второй части.

Этих очень разных людей объединяет Война и она же выделяет в них главное качество – стойкость. Сила духа и терпение русского, а затем советского солдата вновь ставится автором на первый план. Мотив этой невероятной стойкости подчеркивается в отстраненном и точном описании ужасов окопного быта: *«снега таяли, затопляя окопы... на посту по колено в ледяном крошеве, сменишься в землянку – тоже вода хлюпает... Почему-то не простужались, зато голодуха добывала»* (203); *«батальон терял людей от мороза, от обстрелов, больше всего потеряло было от минометов, от голода, от цинги, от дистрофии, от дизентерии. Временами в роте оставалось до 15 человек»* (206) – текст второй части переполнен такими подробностями.

При этом собственно военные действия представлены очень рутинно, как тяжелая работа: *«на нашем фронте главной обязанностью было убивать. У нас работали снайперы, и у немцев они работали... мы... палили туда из минометов и прочего оружия... Мы иногда толком не знали, попали или нет, убили, ранили, промахнулись»* (42). Заметно, что рассказчик не пытается представить себя и своих товарищей великими героями, обладающими какими-то выдающимися боевыми качествами. Их единственное превосходство заключается в стойкости: *«во время блокады военное мастерство сравнялось. Наши солдаты, голодные, плохо обеспеченные снарядами, удерживали позиции в течение всех 900 дней, против сытого, хорошо вооруженного врага уже в силу превосходства духа»* (9).

На чем же основывалась эта сила духа? Возможно, это результат правильного советского воспитания? Не случайно же автор подчеркивает, что *«лейтенант – человек другого поколения... Он верил*

в Победу, цена не играла для него роли, никакие неудачи, ошибки не могли затенить того факела, что светил ему вдалеке...» (96), а «когда Сталин умер... плакали и сталинские солдаты, и мой лейтенант в их числе» (287–288). Но это же воспитание почему-то не действовало в первые недели войны, когда войска «драпали, бросали пушки, пулеметы, снаряды, машины» (48). Но прошло несколько месяцев, и те же бойцы «вцепились в землю на правом берегу Луги, и немцы не могла нас сдвинуть ни танками, ни артиллерией» (47).

В предыдущем параграфе уже обсуждался процесс постепенной эволюции от довоенных шапкозакидательских настроений до отчаяния и злобы, автор отмечает, что несмотря на все неудачи «подспудно сохранялась уверенность, узревая, исступленная» (15). Вероятно, именно это была уверенность в своей правоте и неминуемой Победе. При этом стойкость советского солдата не является чем-то абсолютным, данным изначально. Об этом свидетельствуют факты переходов к немцам, о которых рассказчик упоминает несколько раз и даже всерьез обсуждает мотивы перебежчиков: «немцы стали звать к себе... переходили. По двое, по трою» (123) – рассказывает Алимов, один из ополченцев, с которым будущий лейтенант выходил из окружения. И он же объясняет причину возможного предательства: «шел воевать, вместо этого как собака подохну» (128). Таким образом, даже в условиях фронта у солдат был выбор и выбор этот делался осознанно: «что-то его все-таки удерживало, какая-то последняя черта. У каждого из нас есть черта, которую перейти трудно» (199) – пишет автор об Алимове, который умер в итоге от дистрофии.

Этот вопрос о последней черте, которую трудно перейти, является, на наш взгляд одним из центральных в романе, и ответ на него является также ответом и на другой ранее заданный вопрос: как из ошибок, трусости, невежества и фурункулеза ковалась Победа. Но Даниил Гранин – не тот автор, который дает готовые ответы, его произведения скорее заставляют задуматься. Так, одним из сложных ответов на поставленные вопросы может служить уже упомянутая история с командиром Подрезовым, который: «не про героизм думал, скорее про свое достоинство... у человека есть внутри кто-то, кто его или уважает, или не уважает» (47). Очевидно, что автор не пытается создать образ чудобогатырей, это особенно ясно в самооценке автора-рассказчика, который самокритично представляет «лейтенанта Д.» как «бледного блокадного дохляка» (227), который, однако, «выстоял» в этой войне. И ведущая художественная интенция автора здесь – выразить удивление перед этим чудом.

Анализ системы персонажей романа «Мой лейтенант» приводит к выводу, что главными в произведения являются два сюжетобразующих конфликта:

- война СССР и фашистской Германии, представленная через описание боев Красной армии и Вермахта на Ленинградском фронте;

- явное противоречие между предвоенными ожиданиями, официально декларируемой пропагандой и реальным положением дел, очевидным

и для фронтовиков, и для работников тыла. В тексте произведения он представлен как конфликт между фронтовиками и их командованием, в более широком смысле – между Властью и Народом.

Первый конфликт носит конкретно-исторический характер и разрешается Победой в Великой Отечественной войне, хотя окончательное примирения, по версии автора, здесь вряд ли возможно; второй, напротив, носит устойчивый характер и осложняется тем обстоятельством, что Армия, Народ и Власть в романе являются частями единого общества, находящегося в смертельной опасности, поэтому представленные автором чувства вины и стыда, описанные страх предательства и понимание тотального обмана носят всеобщий экзистенциальный характер и эта травма не изжита до настоящего времени.

Специфика образа смерти в романе «Мой лейтенант». Смерть в военной прозе является обязательной составляющей содержания. Представлена она в и в романе Д. Гранина «Мой лейтенант», который начинается с описания первой бомбежки и заканчивается сценой открытия немецкого военного кладбища в Петербурге. Смерть в литературе может быть различной, например, героической и сюжетно значимой, или же, напротив, случайной и наглядно бессмысленной. Очевидно, что в исследуемом произведении преобладает второй вариант. Так, прощаясь в Летнем саду, будущий «лейтенант Д.» и его друзья «говорили о ранениях, о смерти, кто-то из нас погибнет, но это произойдет в бою, в атаке, с подвигом» (29) – вспоминает рассказчик. Однако, большинство его довоенных друзей и товарищей-ополченцев погибли, и ни один из них «красивой» смерти не удостоился. Герой романа выжил, и даже не был серьезно ранен, но выживание его стало исключительно результатом везения, а не какой-то особой воинской доблести: «появилось... ощущение того, что везуха фронтовая кончается» (204); «сколько можно от кондрашки уворачиваться» (215) – размышляет герой после двух лет окопной войны.

Такое понимание проблемы сформировалось у него не сразу. Мечты о смерти героической убила первая же бомбежка, зато представлено множество случаев смерти случайной. Подчеркнуто нелепой в изображении Д. Гранина выглядит гибель его друга Жени Левашова. Они встретились «под защитой насыпи, в совершенно, казалось бы, безопасном месте» (180), но прилетела всего одна шальная пуля на излете и «удалилась жизнь, унесла Женю Левашова, весь его мир, единственный, небывалый» (180) – вспоминает рассказчик. Здесь автор показывает не только безжалостность и необратимость смерти, но и ценность жизни. Таких смертей будет показано еще немало. Так же случайно погиб техник Медведев, которого «убило миной, когда он возился с антенной» (173). Подчеркивается, что его убило наповал, а это считалось удачей. Так же обидно и внезапно гибнут не только наши бойцы – для двух немцев, убитых на бегу испуганным ополченцем, их гибель была столь же несправедливой, как и смерть Левашова от шальной пули.

Еще один вариант гибели в бою – наступательные операции по инициативе командования, как, например, на «Невском пяточке». Командование стремилось расширить этот плацдарм на левом берегу Невы, но это никак не удавалось: *«переправляло туда часть за частью, полк за полком. Немцы истребляли их подчистую... Атака за атакой, опять в лоб... Мясорубку не останавливали. Потери никого не смущали»* (200) – с негодованием пишет автор. В качестве кульминации он представляет рассказ Аркадия Мерзона, участвовавшего в одной из таких операций (глава «Редут Мерзона»). В ходе этого неудачно спланированного дела, когда у наступающих бойцов не оказалось ножниц для разрезания проволоки, а у их командиров – часов для сверки времени, раненому при высадке Мерзону пришлось прятаться среди мертвых: *«залегли между трупов. Ими укрывались. Форменный редут... Они вздрагивали, когда пули попадали в них. Иногда они подпрыгивали от близких разрывов... эти солдаты защищали его, как могли»* (201). Здесь смерть носит массовый и обезличенный характер, полностью лишенной уважения к павшим. Так, Мерзон признался, что *«рылся у них (покойников – А. Л.) в карманах, нашел там кой-чего, например, махорку, а у кого-то презерватив и сухарь»* (202).

Но страшнее гибели от вражеского огня были потери от голода, от которого страдают и бойцы на фронте, и жители блокадного Ленинграда: *«я весь превращался в пустой желудок, он корчился, вопил от безумного желания жевать что угодно»* (197) – вспоминает автор. Не случайно он до сих пор помнит те редкие случаи, когда случалось что-то получить сверх жалкой пайки: соленые огурцы, принесенные Марией Литвиновой; американскую тушенку, которой подкармливал его техник Володя Лаврентьев; завернутый в бумагу кусок сахара – подарок Ермакова...

Одна из самых страшных картин Блокады – описание мужчины, который жевал кожаную перчатку: *«мутные неподвижные глаза его ничего не видели. На самом деле он уже мертвец, но продолжает жевать. Кожаные пальцы, черные, торчали у него изо рта»* (197) – символизирует непрерывный процесс умирания и жизнь на грани потери человеческого облика. И грань эта очень тонка: *«были дни, когда я понимал людоедство. Оправдывал»* (197) – признается «Д.».

Описания массовой гибели людей, занимают, в целом, достаточно большое место в «ленинградских» сценах романа: *«сильный артобстрел. Всюду трупы. Пожарные смывают кровь с мостовой»* (196); *«моряки-балтийцы... Убирают трупы убитых возле Елисеевского магазина. Несла свеклу, редиску, убили, лежит, обхватив руками эту свеклу»* (196); *«трупы везут на листах фанеры. Трупы узенькие, сухонькие, как подорожки»* (196). Эти бытовые подробности – смываемая кровь, свекла в руках убитой, листы фанеры и пр. – выполняют двоякую функцию. Они подчеркивают обыденность и привычность смерти как неизбежного спутника войны, но в то же время, сохраняют за этими смертями их индивидуальный трагизм, их конкретно-историческое содержание.

Безусловно, в романе Д. Гранина «Мой лейте-

нант» проблема смерти выходит на уровень экзистенциальный, это всегда трагедия и высшая несправедливость. Но акцентирование «ленинградской темы», тщательный подсчет ошибок и просчетов, бытовые подробности, беспощадная самокритика позволяют утверждать, что автор сохраняет за смертью на Великой Отечественной войне и ее конкретно-историческую значимость. В конечном итоге эти смерти отнюдь не бессмысленные, в том смысле, что они не напрасны – это цена Победы. А непомерность этой цены показывает и символизирует масштаб народного подвига.

Заключение

Исследуемое произведение занимает особое место как в творчестве Д. А. Гранина, так и в военно-историческом дискурсе начала XXI века. Последний роман о войне, написанный одним из ее участников, подводит итог размышлениям, начатым автором еще в произведениях 1960-х гг. (рассказы «Молоко на траве», «Смерть интенданта», «Пленные», повесть «Наш комбат») и продолженных в новом веке повестью «По ту сторону». Главными темами этих размышлений стали память о Великой Отечественной войне и судьба «поколения Победителей», к которому принадлежал и сам автор.

В рамках проведенного исследования основной интерес представляет именно тема памяти, сохраненная одним из писателей-фронтовиков для последующих поколений. «Моя война» Д. А. Гранина в этом плане интересна не только традиционной «окопной правдой», в русле которой автор демонстрирует все тяготы, жестокость и бесчеловечность войны, но и художественной оценкой ее роли в жизни нашей страны, данной им уже в XXI веке. После шестидесяти лет поисков виноватых, подсчетов цены Победы и переоценке ее целесообразности, эти фотографически точные и контрастные картины военной катастрофы 1941 года и окопной войны на ленинградском фронте 1941–1943 гг. возвращают прошлому статус конкретно-исторической событийности и представляют большую художественную ценность.

Главной составляющей этой правды является образ «лейтенанта Д.», и его товарищей, а также других персонажей (жена героя, жители Ленинграда), совокупно образующих образ советского народа. Автор тщательно реконструирует настроения и картину мира советского человека во время войны. Подробно показан процесс превращения гражданских людей в опытных солдат и далее их возвращение к мирной жизни. Д. Гранин акцентирует внимание не на внутреннем нравственном конфликте «фронтовиков» и «тыловиков», а на общей неготовности к войне, на чувстве общей вины. Особое место здесь занимает изображение коллективной травмы лета 1941 и далее: стыда, страха, обиды на собственное командование, сомнений и веры в Победу.

В автобиографической части романа Д. А. Гранин избегает широких исторических обобщений и сюжетной занимательности, не стремится выйти

за рамки восприятия мира одним из многих фронтовых офицеров, долгие месяцы живущих в узком мирке окопов и блиндажей, что и обеспечивает субъективную достоверность его рассказа.

Более широкий план повествования представлен уже не «лейтенантом Д.», а писателем Даниилом Граниным, который через полвека после окончания войны беседует с бывшими немецкими офицерами, изучает мемуары, мучительно ищет ответы, на запоздалые уже, казалось бы, вопросы. Он хочет помнить и понимать и он, а не «лейтенант Д.» в конечном итоге дает окончательную оценку этой войне. Эти авторские отступления, экскурсы в будущее, свидетельства других героев в сумме позволяют автору выйти за узкие рамки автобиографизма и жанра «лейтенантской прозы» в целом.

Источники

- Гранин, Д. А. Мой лейтенант. Роман / Д. А. Гранин. – М. : Издательство «АСТ», 2020. – 320 с.
Гранин, Д. А. Все было не совсем так / Д. А. Гранин // Звезда. – 2010. – № 4. – С. 6–61.

Литература

- Алпеева, Л. В. Мы вытерпели эту войну (о новом романе Д. Гранина «Мой лейтенант») / Л. В. Алпеева // Клио. – 2012. – № 3 (63). – С. 147.
Аристов, Д. В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. В. Аристов. – Пермь : [б. и.], 2013. – 191 с.
Бабичева, М. Е. «Большая книга» о большой войне: роман Д. А. Гранина «Мой лейтенант» – лауреат национальной литературной премии / М. Е. Бабичева // Stephanos. – 2020. – № 2 (40). – С. 25–36.
Волкова, В. Б. Концептосфера современной военной прозы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / В. Б. Волкова. – Екатеринбург : [б. и.], 2014. – 591 с.
Гранин и Германия. Трудный путь к примирению : материалы конференций / отв. редактор Ю. З. Кантор, ред.-составитель М. Д. Чернышева-Гранина. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 183 с.
Дружба, О. В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / О. В. Дружба. – Ростов-на-Дону : [б. и.], 2000. – URL: <https://www.dissercat.com/content/velikaya-otchestvennaya-voyna-v-istoricheskom-soznanii-sovetskogo-i-postsovetskogo-obshches> (дата обращения: 10.03.2025).
Задонская, Е. В. Авторские стратегии в современной военной прозе : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Задонская. – Тверь, 2017. – 156 с.
Зиновьева, Е. Дом Зингера / Е. Зиновьева // Нева. – 2012. – № 8. – URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/8/publikacziya-eleny-zinovevoj-26.html> (дата обращения: 04.03.2025).
Золотоносов, М. Барон Мюнхгаузен Рыльского уезда. Даниил Гранин, который придумал сам себя / М. Золотоносов // Литературная Россия. – 2014. – № 38. – URL: <https://old.litrossia.ru/2014/38/09070.html> (дата обращения: 03.06.2025).
Зубков, В. А. Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня / В. А. Зубков // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 473–486. – URL: <https://voplit.ru/article/povorot-rusla-proza-o-velikoj-otchestvennojvojne-segodnya/> (дата обращения: 08.11.2022).
Ковтун, Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне / Н. В. Ковтун // Культура и текст. – 2020. – № 4 (33). – С. 6–24.
Крыщук, Н. Двойное зрение. О прозе Даниила Гранина / Н. Крыщук // Звезда. – 2014. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2014/1/dvojnnoe-zrenie.html> (дата обращения: 04.03.2025).
Лейдерман, Н. Л. Фронтовая лирическая повесть (Г. Бакланов, Ю. Бондарев, К. Воробьев и др.) / Н. Л. Лейдерман М. Н. Липовецкий // Современная русская литература: 1950–1990-е годы : пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1: 1953–1968. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – С. 162–181.
Маркова, Т. Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе. От «окопной правды» к фантазиям на военные темы / Т. Н. Маркова // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 152–160.
Моисеева, В. Г. Слова «великие» и «простые» о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской «военной» прозы второй половины XX века / В. Г. Моисеева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 3. – С. 58–72.
Петрова, Е. Даниил Гранин. Моя война / Е. Петрова, Д. Гранин // Аргументы и факты. – 2012. – № 13. – URL: <https://spb.aif.ru/culture/event/135212> (дата обращения: 04.03.2025).

Полехина, М. М. «...Мы сохранили город белых ночей». Великая Отечественная война в книге Даниила Гранина «Мой лейтенант» / М. М. Полехина // Русская словесность. – 2015. – № 3. – С. 55–64.

Рогова, К. А. О «петербургском тексте» в современной художественной литературе / К. А. Рогова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 77–85.

Рубашкин, А. Гранин написал о «человеке, которого уже давно нет» / А. Рубашкин // Невское время. – 2011. – URL: <https://nvspb.ru/2011/12/20/granin-napisal-o-cheloveke-kotorogo-uje-davno-net-47141> (дата обращения: 04.03.2025).

References

Alpeeva, L. V. (2012). My vyterpeli etu voinu (o novom romane D. Granina «Moi leitenant») [We Endured This War (about D. Granin's New Novel "My Lieutenant")]. In *Klio*. No. 3 (63), p. 147.

Aristov, D. V. (2013). *Russkaya batal'naya proza 2000-kh godov: traditsii i transformatsii* [Russian Battle Prose of the 2000s: Traditions and Transformations]. Dis. ... kand. filol. nauk. Perm. 191 p.

Babicheva, M. E. (2020). «Bol'shaya kniga» o bol'shoi voine: roman D. A. Granina «Moi leitenant» – laureat natsional'noi literaturnoi premii ["The Big Book" about the Great War: D. A. Granin's novel "My Lieutenant" – Winner of the National Literary Prize]. In *Stephanos*. No. 2 (40), pp. 25–36.

Druzhba, O. V. (2000). *Velikaya Otechestvennaya voina v istoricheskom soznanii sovetskogo i postsovetskogo obshchestva* [The Great Patriotic War in the Historical Consciousness of Soviet and Post-Soviet Society]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Rostov-on-Don. URL: <https://www.disscat.com/content/velikaya-otechestvennaya-voina-v-istoricheskom-soznanii-sovetskogo-i-postsovetskogo-obshches> (mode of access: 10.03.2025).

Granin, D. A. (2010). Vse bylo ne sovsem tak [It Wasn't Quite Like That]. In *Zvezda*. No. 4, pp. 6–61.

Granin, D. A. (2020). *Moi leitenant. Roman* [My Lieutenant. Roman]. Moscow, Izdatel'stvo «AST». 320 p.

Kantor, Yu. Z., Chernysheva-Granina, M. D. (Eds.). (2020). *Granin i Germaniya. Trudnyi put' k primireniyu* [Granin and Germany. A Difficult Path to Reconciliation]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 183 p.

Kovtun, N. V. (2020). Tema pamyati v sovremennoi proze o Velikoi Otechestvennoi voine [The Theme of Memory in Modern Prose about the Great Patriotic War]. In *Kul'tura i tekst*. No. 4 (33), pp. 6–24.

Kryshchuk, N. (2014). Dvoinoe zrenie. O proze Daniila Granina [Double Vision. About the Prose of Daniil Granin]. In *Zvezda*. No. 1. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2014/1/dvojnoe-zrenie.html> (mode of access: 04.03.2025).

Leyderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003). Frontovaya liricheskaya povest' (G. Baklanov, Yu. Bondarev, K. Vorob'ev i dr.) [A Front-Line Lyrical Novel (G. Baklanov, Y. Bondarev, K. Vorobyev, etc.)]. In *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii: v 2 t.* Vol. 1: 1953–1968. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», pp. 162–181.

Markova, T. N. (2019). Khudozhestvennye rekonstruktsii Velikoi Otechestvennoi voiny v sovremennoi massovoi literature. Ot «okopnoi pravdy» k fantaziyam na voennye temy [Artistic Reconstructions of the Great Patriotic War in Modern Mass Literature. From the "Trench Truth" to Fantasies on Military Topics]. In *Nauchnyi dialog*. No. 12, pp. 152–160.

Moiseeva, V. G. (2015). Slova «velikie» i «prostye» o Velikoi Otechestvennoi voine: k voprosu ob evolyutsii russkoi «voennoi» prozy vtoroi poloviny XX veka [The Words "Great" and "Simple" about the Great Patriotic War: On the Evolution of Russian "Military" Prose of the Second Half of the 20th Century]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. No. 3, pp. 58–72.

Petrova, E., Granin, D. (2012). Daniil Granin. Moya voina [Daniil Granin. My War]. In *Argumenty i fakty*. No. 13. URL: <https://spb.aif.ru/culture/event/135212> (mode of access: 04.03.2025).

Polekhina, M. M. (2015). «...Мы сохранили город белых ночей». Великая Отечественная война в книге Даниила Гранина «Мой лейтенант» ["We Saved the City of White Nights". The Great Patriotic War in Daniil Granin's Book "My Lieutenant"]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 3, pp. 55–64.

Rogova, K. A. (2013). О «петербургском тексте» в современной художественной литературе [On the "Petersburg Text" in Modern Fiction]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 77–85.

Rubashkin, A. (2011). Granin napisal o «cheloveke, которого uzhe davno net» [Granin Wrote about "a Man Who Has Been Gone for a Long Time"]. In *Nevskoe vremya*. URL: <https://nvspb.ru/2011/12/20/granin-napisal-o-cheloveke-kotorogo-uje-davno-net-47141> (mode of access: 04.03.2025).

Volkova, V. B. (2014). *Kontseptsfera sovremennoi voennoi prozy* [The Conceptsphere of Modern Military Prose]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 591 p.

Zadonskaya, E. V. (2017). *Avtorskie strategii v sovremennoi voennoi proze* [Author's Strategies in Modern Military Prose]. Dis. ... kand. filol. nauk. Tver. 156 p.

Zinovyeva, E. (2012). Dom Zingera [Singer's House]. In *Neva*. No. 8. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/8/publikatsiya-eleny-zinovevoj-26.html> (mode of access: 04.03.2025).

Zolotonosov, M. (2014). Baron Myunkhgauzen Ryl'skogo uезда. Daniil Granin, kotoryi pridumal sam sebya [Baron Munchausen of the Rylsky District. Daniil Granin, Who Invented Himself]. In *Literaturnaya Rossiya*. No. 38. URL: <https://old.litrossia.ru/2014/38/09070.html> (mode of access: 03.06.2025).

Zubkov, V. A. (2011). Povорот rusla. Proza o Velikoi Otechestvennoi voine segodnya [The Turn of the Riverbed. Prose about the Great Patriotic War Today]. In *Voprosy literatury*. No. 6, pp. 473–486. URL: <https://voplit.ru/article/povorot-rusla-proza-o-velikoj-otechestvennojvoine-segodnya/> (mode of access: 08.11.2022).

Данные об авторе

Лобин Александр Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия).

Адрес: 432071, Россия, г. Ульяновск, пл. Ленина, 4/5.

E-mail: amlobin@yandex.ru.

Дата поступления: 14.03.2025; дата публикации: 30.06.2025

Author's information

Lobin Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia).

Date of receipt: 14.03.2025; date of publication: 30.06.2025